
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Наталья Парыгина
(г. Тула)

СЛОВО О ПИСАТЕЛЕ

Наталья Диомидовна — автор более трех десятков книг, член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, награждена орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть», член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», Почетный гражданин города Тулы.

8 августа 2010 года писателю Николаю Константиновичу Дружинину исполнилось бы восемьдесят шесть лет. Теперь счет идет от другой даты: 21 ноября 2005 года. В этот день ушел от нас неустанный труженик с малых лет и до последних дней жизни, мужественный воин, выживший и вернувшийся на фронт после двух тяжелых ранений, добрый и заботливый семьянин и — талантливым писатель

Николая Константиновича нет с нами, но книги его живут. На полках библиотек и в руках читателей... В сердцах читателей! Книги для детей: «Ох, ух эта Натка!», «Жила-была девочка», «Лицом к огню». Книги о Подвиге Советского Народа в годы Великой Отечественной войны: романы «Без вести пропавшие» и «Тульский рубеж». И — последняя в его жизни книга «Голоса из бессмертия», в которой Николай Дружинин выступает не только как писатель, но и как составитель сборника, в котором собраны многие письма, воспоминания фронтовиков, стихотворения и очерки о героическом и суровом времени Великой Отечественной войны. Эта книга, дважды изданная в Туле, служит своего рода литературным памятником известным и безвестным защитникам Родины.

Да, большая часть книг писателя посвящена событиям трагического и героического военного времени. Но увлекателен и его роман о горячей любви и самоотверженном труде на стройках Сибири «С любимыми не расставайтесь». А в ящике его рабочего стола лежит неопубликованный роман о его собственной жизни, а значит — и о жизни страны, о жизни его поколения «Страницы бытия». Отрывок из этого романа под названием «К родному дому» помещен ниже в нашем журнале.

Но сначала — несколько строк из его короткого размышления о себе «Вместо биографии», сохранившегося в архиве писателя.

«А. П. Чехов утверждал, что любой человек обязан в своей жизни посадить дерево, вырастить сына и построить дом. Я выполнил все эти условия. В городе Ефремове растет посаженный мною сад. В далеком Стрежевом в Сибири в построенных и моими руками домах живут люди, а мои сыновья и внуки живут и на Алтае, и в Сибири, и в Туле.

Успел я написать и несколько книг...»

Николай Дружинин

К РОДНОМУ ДОМУ

На улице было как-то беспокойно. Куда чаще, чем раньше, проходили военные. Зенитчики, громко ругаясь, принялись вытаскивать из ям свои пушки. Потом потащили их в сторону вокзала.

Ночь стояла лунная, ясная, нам все хороша было видно.

— На погрузку? — следя за зенитчиками, уверенно определил Сенька. — Наверно, — ближе к фронту. Что ж такое у них...

Внезапный стук каблучков идущих по тротуару людей заставил прервать фразу, а через секунды группа военных появилась перед нами.

— Что за люди? — осветив нас фонариком, строго спросил идущий первым. — Что здесь делаете? Документы!

Мы объяснили, что охраняем техникум.

— Что? — словно бы малость обалдев, спросил военный. — Какие еще студенты? Какой техникум? А ну, быстро по домам!

— Это почему? — не понял Сенька.

— Да вы что, глухие? Немцы сюда идут?

Теперь обалдели мы.

— Как-кие немцы?

— Те, которые стреляют. Или не слышите? Ну — дурачье!

Я напряг слух. И в привычном ночном грохоте в стороне Рославльского шоссе ясно расслышал далекие пулеметные очереди.

— Стреляют! — растерянно произнес Сенька. — А говорили, что немцы под Оршей, что...

— Быстро по домам! — перебил его военный.

И тут мы в два голоса заголосили о том, что дома-то наши слишком далеко.

— Дела! — озабоченно протянул наш собеседник.— У вас — что же, местных не нашлось? Кто же это придумал?

А правда: кто же это придумал? Ведь были же местные?

— На мост не ходите! — все поняв, инструктировал нас военный.— Не пустят. Если кому на ту сторону, уходите по Днепру вправо, там где-нибудь переберетесь. Ясно?

Ясней было некуда. Так вот почему уходят из города военные! И мы понеслись в кубовую.

— Подъем, мужики! Тревога!

А когда, собрав свои вещички и наскоро расхватав остатки продуктов, выскочили на улицу, треск пулеметных очередей и звонкие удары пушек на Рославльском шоссе стали еще слышнее. И именно в ту сторону надо было бежать троим из нашей группы.

— Ладно! — торопливо прощаясь с нами, решили они.— Как-нибудь проберемся.— До встречи осенью!

Наша же группа двинулась в сторону Днепра.

По Советской улице вниз к Днепровскому мосту тек непрерывный поток людей и машин, не было никаких патрулей, и мы, спустившись вниз до храма, повернули на окраину, в спешке, совсем забыв, что здесь — сплошная стена. Пришлось повернуть вверх по остаткам сгоревшей улицы, по которой тоже поспешно уходили к мосту военные.

Вот и Молоховские ворота. Раньше здесь всегда был часовой, теперь же никого не было, и мы взапуски понеслись к Днепру. Стрельба сзади то ли прекратилась, то ли не стала слышна, но мы не сбавляли хода, стараясь уйти берегом как можно дальше.

В первой же деревне, куда, потные и уставшие, мы примчались на рассвете, оказалось, что переправа через Днепр шла полным ходом. Местные жители на лодках перевозили на тот берег всех, кто этого хотел. За рубль с человека! А у нас — ни копейки!

— За фотоаппарат перевезешь? — не растерялся Сенька, обратившись к весело улыбающемуся, сидящему на корме большой лодки дяде.

— Садись! — великодушно разрешил он.

— Сенька! — разозлился я.— Ты что? Это же — фотоаппарат!

— А что делать? — усмехнулся он.

— Верно, парниша! — поддержал его перевозчик.— Немец прижмет — так и последнее отдашь. А вы, должно, комсомольцы! А он таких не любит. Так поедете, или как?

Мы молча погрузились в лодку. Но когда оказались на том берегу, Сенька, выходя последним, схватил со скамейки свой фотоаппарат выскочил из лодки. А возмущенному дяде негромко сказал.

— Только сунься! Изметелим так, что на тот берег не доплывешь.

Все-таки нас было семеро, а он — один!

— Да вы что, ребята? — забормотал дядя. — Идите себе!

К обеду мы были в Колодне. Здесь тоже оказалось полно и военных, и гражданских, но поезда никуда не ходили. И пришлось нам распрощаться, ибо только одному мне нужно было на Ельню, откуда, по слухам, еще ходили поезда. Пожали мы друг другу руки и потопали в разные стороны. Ребята в сторону Вязьмы, а я — по шпалам, вслед за бредущими в сторону Ельни людьми.

День стоял теплый, погожий. Идти бы да идти, если бы не мой чемодан. Он буквально отмагивал руки, от него горели ладони, но я продолжал идти среди спешащих неизвестно куда, скорее всего не домой, а от дома уходящих новоявленных странников.

— Да брось ты, парень, свой чемодан! — посоветовал один из них, видя, как я мучаюсь со своей ношей.— Или золото у тебя там?

— А вещи куда я дену?

— Вещи? — он усмехнулся.— Вот прилетит немец — так сразу про все вещи забудешь. Я свои все пошвырял.

Он действительно шел с небольшим узелком в руке. И, намучив свои ладони так, что они горели огнем, я к вечеру обменял на полустанке свой чемодан на обыкновенный мешок, а из полученного в придачу куска веревки сделал к нему лямки, и зашагал куда веселее. А уже в вечерних сумерках мне пришлось пережить несколько очень неприятных минут.

Группой человек в десять мы решили передохнуть у ручья, благо рядом стояли только что скошенные копны сена. Мои спутники начали вытаскивать свои запасы, чтобы перекусить, их примеру последовал и я. Совсем не учтя, что иду не просто с людьми, а с теми, кого из родных мест выгнала война.

— Ого! — совсем неожиданно произнес один из моих соседей, когда я принялся за сало.— Живет парниша! У него даже и сальце есть! И лепешек сколько!

— Небось, в магазин лапу запустил! — сердито отозвался другой.— Теперь ворья полно.

— Да вы что? — обиделся я. — Какой магазин?

— А где же ты тогда так подзапасся?

— У нас столовая сгорела...

— Ну правильно! Раз горит — тут и грабь! То-то он мешок к себе прижимает.

Чуть ли не плача от обиды, рассказывал я, как достались все эти продукты, стараясь хоть как-то оправдаться перед жующими голый хлеб и запивающими его водой беженцами.

— Пожалуйста, берите! — раскрыв свой мешок и изо всех сил стараясь погасить их скептические усмешки,— пригласил я.— Я не вор! Вот мои документы, я домой иду!

Поверили они мне, или нет... Но взяли они только по кусочку вареного мяса, да и то больше для женщин, не тронув двух банок консервов и подгоревших лепешек. Совместно доели и сало. Переспали пару часов у копны сена и двинулись дальше.

Задержка произошла только на мосту через Днепр. Как мы ни просили — часовой ни за что не пустил по мосту.

— Идите в обход! — сердито орал он нам, не понимая, как это могут идти люди туда, куда идти нельзя.

А мы не понимали его. Мы же не диверсанты, и по мосту — всего десятки метров, чтобы оказаться на той стороне реки, а в обход — длинные для уставших, полуголодных людей километры под палящим июльским солнцем! Но нам пришлось их пройти.

В деревне нас перевезли через Днепр без всякой платы.

— И куда же вы идете? — с сомнением разглядывая нас, спросил пожилой колхозник, отвязывая свою лодку.— Война же!

Мы все ответили по-разному, а он слушал и недоверчиво улыбался. Меня эта его улыбка обидела: не верит! И только потом дошло: по-крестьянски немногословный, он еще не знал, но уже, наверно, догадывался, что от войны уйти нельзя, что в любом месте она догонит тем или иным образом, и накажет тем жестче, чем меньше ты готов к противостоянию ей. Поэтому и улыбался той самой, обидевшей меня улыбкой, не собираясь бежать, но по-крестьянски рассудительно готовясь к встрече с ней.

В Ельне, куда я добрался к вечеру третьего дня, мои попутчики разбрелись по городу, а я отправился на вокзал. Запас продуктов кончился, денег у меня не было, а

просить я еще не умел. И оставался единственный выход: попасть на любой поезд в сторону Сухинич. Доеду — буду жив и сыт, так как пешком мне просто не дойти.

К моему полному удивлению, на вокзале оказалось по-мирному тихо. Не было толп людей, не бегали, как это видел в Колодне, военные, женщины спокойно торговали вареной картошкой, молоком и лепешками, в пристанционном сквере беспечно бегали ребятишки. А на путях спокойно стояли два товарных состава, о которых на мой вопрос проходящий мимо железнодорожник ответил коротко:

— Куда надо, туда и пойдут.

Стемнело, я уже начал клевать носом, когда один из составов вдруг дернулся, и без всяких гудков пополз по путям. «На Сухиничи!» — вовремя сообразил я, и бросился на первую же тормозную площадку. А поезд все набирал ход, и колеса его постукивали все чаще. «Еду! — чуть ли не орал я от радости, сидя на скамеечке тормозной площадки и глядя в летящую навстречу мне темноту.— Еду!»

Однако, через час я понял, что малость поспешил на станции, не придав значения, на какую площадку лучше вскочить. На этой, оказавшейся в передней части вагона, дьявольски продувало, и, хотя я сполз со скамейки на пол, ветер гулял и здесь. Пришлось вытаскивать из мешка и натягивать на себя все, что в нем было, но и после этого мне не стало теплее. А поезд все шел и шел, изредка делая короткие остановки, чтобы пропустить встречный состав и дать мне возможность малость согреться бегом у вагона. А потом я просто уснул.

— Эй, мужик! Документы!

Я с трудом раскрыл глаза. Во всю светило солнце, поезд стоял, а по обе от меня стороны стояли двое штатских с наганами на поясах.

— Какая станция? — ошалело спросил я.

— Документы! — рявкнул один из них.

Я безропотно подал ему все, что имел: паспорт, студенческий и комсомольский билеты. И пока он их рассматривал, я с величайшей радостью сообразил, что поезд стоит в Сухиничах! Все, приехал!

Но строгие дяди думали совсем иначе. Высадив меня с площадки, они минут десять допрашивали «подозрительную личность», а я весело (добрался же, черт меня возьми!) сыпал им и о живущих рядом родителях, и тете Лене в пристанционном поселке, и о школе, в которой учился, и обо всех деревнях, которые знал. Они в конце концов поверили, но отпустили меня явно неохотно.

— Ладно, иди! Лазают тут всякие!

Эшелон, доставивший меня в Сухиничи, остановился на запасных путях далеко от вокзала, возле которого тоже стоял товарный состав, а рядом с ним — огромная, заполонившая весь перрон, глухо галдящая толпа.— «На окопы, что ли, провожают?» — подумал я, прибавляя шаг.

Но это оказались не окопники. Сухиничи провожали очередную партию мобилизованных в армию, и масса сбежавшихся на их проводы детей, женщин, стариков и старушек толпилась возле вагонов, в которые уже садились мобилизованные. Многие женщины плакали, другие что-то кричали своим мужьям, или, расталкивая толпу, куда-то бежали, видимо, ища своих. Лица уезжающих мужчин были хмуры, а то и суровы, и только в одном из вагонов сидел, свесив ноги наружу, во весь рот улыбающийся молодой мужик и наяривал на гармошке «Как родная меня мать провожала». Кажется, его самого не провожал никто.

Вскоре эшелон тронулся, провожающие, размахивая руками, отступили от набирающих ход вагонов, и вдруг в этом промежутке появилась женщина средних лет со сбившейся на плечи косынкой и развивающимися волосами.

— Ванька! — во весь голос кричала бегущая за уходящим эшеленом. — Ванька! Ты прямо сразу в плен иди! Прямо сразу! Мне одной ребят не вытащить! Ванька!..

Я остолбенел. Женщина, забыв обо всем, кричала мужу, чтобы он шел в плен! Ее же сейчас арестуют! Но никто к ней не поспешил, никто не остановил, и она прошла за плотной толпой сгрудившихся на перроне женщин, все еще выкрикивая свое, вся отдавшись охватившему ее отчаянию.

В пристанционном поселке жила моя крестная мать тетя Лена, и я напрямик отправился к ней.

— Коля! — охнула она, увидев меня. И заплакала.

Она уже знала, что Смоленск взят немцами, и не чаяла увидеть меня живым, а я стоял перед ней, и мои двоюродные братья и сестры глядели на меня словно на чудо: он — из Смоленска!

— А вашего Витю убили! — вдруг сказала тетя Лена.

Я буквально замер на месте.

— Как убили? Кто?

— Ракетчика немецкого он с ребятами ловил! — у тети Лены снова хлынули из глаз слезы. — А тот в него и выстрелил. Уже десять дней, как похоронили.

У меня по телу побежали мурашки. Витю похоронили? И я схватил свой почти пустой мешок. Скорее, как можно скорее домой!

— Куда? — испугалась тетя Лена. — Поешь хоть!

Да, добираясь до Сухинич, я только и мечтал, чтобы как можно скорее поесть и отдохнуть. Но теперь все это вылетело из головы. Отец с матерью только что похоронили моего брата, ничего не знают обо мне, а фашистские ракетчики уже бродят возле нашего дома. Нет, мне некогда сейчас отдыхать, нам сейчас нужно быть всем вместе!

Два километра, до села Кипеть, где в новой школе жили родители, я почти бежал. Но на моем пути к дому, на окраине села, лежало сельское кладбище, и я повернул с дороги, прошел несколько десятков метров под старыми, неизвестно кем и когда посаженными ветлами. В тени одной из них темнел скорбный холмик еще не успевшей по-настоящему подсохнуть земли. Я бросил на траву свой мешок и опустился рядом.

Не было ни слов, ни слез, и была лишь неимоверная усталость от всего того, что пришлось повидать, пережить и услышать за эти тяжкие дни. По-моему, я даже не скорбел по поводу гибели брата. Просто сидел, тупо глядел на могильный холмик, уже понимая, что Вити нет и никогда не будет, и не соглашаясь с этим. Ведь он же был! Всегда был! И убегая из Смоленска, я спешил и к нему. А его уже нет. Нет? Да! Война нагнала меня и здесь. Но сначала — Витю!

Мы никогда не были с ним дружны по-настоящему. Витя был на два года моложе меня, но его голодание с детства, больного ребенка, как бы разъединяло нас в играх со сверстниками и в поведении дома. Что мог сделать я — не всегда оказывалось доступным ему, и меня буквально заставляли приноравливаться к его возможностям, что рождало мое недовольство и чувство превосходства у него.

Да и вообще мы были очень разными. Я рос не по годам длинным, он же всегда выглядел таким приземистым крепышом. Я любил гитару, он отдавал предпочтение мандолине. Я не любил рисовать, Витя же с ранних лет рисовал очень неплохо. Я был легковверен, быстро увлекался разными новинками или чем-то увиденным впервые. Он же старался во всем основательно разобраться, задавая иногда родителям такие вопросы, на которые я бы не решился никогда. И еще у него была удивительная страсть копировать чужие почерки. Помню, когда я учился в шестом классе, нам в руки попала поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с факсимильной подписью поэта или ее подделкой. Подпись была красива, весьма витиевата, но я не обратил на нее никакого внимания. Брат же принялся ее копировать.

Он бился долго, но ничего у него не получалось. И тогда Витя начал расспрашивать у отца, чем писали во времена Руставели. Узнав, что гусиными перьями, он отправился на речку, нашел там несколько таких перьев, очинил их с помощью отца и...

ним росчерком, словно расписывался так много лет, вывел на листе бумаги «Шота Руставели» точно так, как было начертано на заглавном листе поэмы. Отец и мать были в восторге, а я ничего так и не почувствовал. Красиво, конечно! Но кому это нужно?

И вот только теперь, сидя у свеженасыпанного могильного холмика, я вдруг понял, что да, было нужно. Ему! Для того чтобы обрести уверенность в возможности сделать задуманное. Я был страстным охотником, он же никогда не брал в руки даже рогатки. Он жил по другим, совсем не подвластным мне законам. Рядом — и отдельно. И теперь наше восприятие окружающего нас мира уже никогда не сольется воедино. Нас навсегда разлучила война!

Сколько прошло времени — я не знал. Окружающее словно бы отодвинулось куда-то вдаль, оно меня уже не волновало. Было только то, что пришлось пережить лично, и я по отдельным, крупным перебирал его, перескакивая с одного, на другое и не стараясь связать воедино, и ветлы над головой чуть покачивали своими тонкими ветвями, отчего пробивающиеся сквозь них солнечные лучики то вспыхивали, то гасли на потемневшей земле холмика. Наверно, так же вспыхивали и гасли и мои мысли.

— Коля? — вдруг раздался за спиной голос матери.

Я мгновенно оглянулся. Отец и мать, обнявшись, стояли в нескольких шагах от меня. За всю свою жизнь я никогда еще не видел их в такой позе. Даже находясь в мире, отец и мать были как-то скупы на ласку друг к другу, никогда не обнимались и не целовались. Теперь же они стояли обнявшись, плотно прижавшись друг к другу. Какую же беду надо было им пережить, чтобы, забыв все прошлое, в едином порыве, в поисках так нужной им опоры снова стать семьей. Смерть сына сделала то, чего они сами за столько лет сделать не смогли.

